

У Иордани (картинка)¹

Крещенские морозы вступили в свои права. Затрещал лед на Волге, маленький городок зарылся весь в снегу. Отрезанный зимнею порою за отсутствием железной дороги², от другого мира, он тихо прозябал, живя мелкими интересами провинциального захолустья.

Каждое местное происшествие, конечно, возбуждало общий интерес.

Отшумели святки с толпами ряженных, промелькнул и Новый Год с неизбежными визитами, которые так любит провинция, с закусками и выпивками в каждом доме; приближалось Крещение.

В городке восемь церквей, из них всех собирався крестный ход на Иордань, на воду. Приготовления к этому торжеству шли немалые. Больше всего хлопот выпало на долю кожедера Никиты Панфилова.

Все в городке знали, что никто лучше его не сумеет сделать прорубь для Иордани, а потому еще дня за три до праздника соборный староста Иванчиков, встретив Никиту на базаре, где он в балагане торговал кожами, низко поклонился ему и льстиво проговорил.

— Уж ты, Никитушка, не обессудь, и ныне Иордань устрой, горожане тебя об этом очень просят!

Кожедер, с сознанием своей необходимости, надвинул рваную шапчонку на лоб и значительно ответил:

— И не знаю, как сказать тебе, Андрей Панкратич, дела-то у меня ноне много накопилось.

Староста отлично понимал, что у Никиты никаких дел нет, и что он повторяет те же самые слова, что говорил в прошедшем году и будет говорить и на будущий год.

— Знаем тебя, ломаешься, — подумал степенный староста и продолжал:

— Урвись уж как-нибудь, Никита, дел всех зараз не переделаешь...

Поломавшись, кожедер обыкновенно соглашался и, захватив с собою пешню, веревку да пару мальчишек с базара, отправлялся на реку для «сооружения Иордани».

Немало пришлось на этот раз поработать Никите, много снега побросал он по сторонам, прежде чем добрался до льда.

Мальчишки притащили метлы и чисто вымели лед.

Никита с важностью настоящего знатока своего дела, оглянув их работу, широко перекрестился на блестящие на морозном солнце кресты городских церквей, и творя в это время молитву, в которой упоминались все знаемые им святые, взял принесенную с собой веревку и ею отметил на льду правильный крест.

Затем по концам его пробил острою пешнею отверстия.

Мало-помалу образовалась полынья в форме креста. Работа была не из легких. Выколотые куски льда кожедер подгонял дальше под лед.

Наконец, крест был готов.

Никита довольно посмотрел на него, обошел кругом, скинул рукавицы и снова стал молиться на церкви.

— Ну, ребята, — сказал он мальчикам. — На сегодня все сделали, завтра остальное доделаем.

И они отправились на берег.

Мороз крепчал, к вечеру сделанная прорубь снова затянута льдом.

За час до начала крестного хода Никита явился опять с пешнею на Волгу, и, сойдя на лед в прорубь, представлявшую теперь из себя крестообразное углубление, начал пробовать ногами, прочен ли лед на дне его.

Убедившись, что образовавшийся в течение двух дней лед настолько крепок и толст, что может выдержать гораздо больший груз, кожедер, дождавшись первого перезвона, извещавшего о выходе крестного хода из церкви, пробил пешнею небольшое отверстие в середине креста. Из него брызнула желтоватая волжская вода. Скоро все углубление было наполнено ею, воды стояло в нем по колено. Крестный ход блестящей лентой спускался с запорошенного снегом

¹ Рассказ впервые был опубликован в шестом номере санкт-петербургского печатного издания «Свет» 6 января 1904 года.

² Многие детали рассказа свидетельствуют о том, что в нем описано событие, случившееся именно в Плесе — это и упоминание об отсутствии железной дороги, и восемь церквей, и фамилия Иванчиков, хорошо известная в те времена в нашем городе.

берега. Задорно веселый перезвон колоколов несся с колокольни, гулким эхо отзываясь на противоположном берегу и постепенно замирал вдоль реки.

Около Иордани столпилось чуть ли не все население города. Повязанные теплыми шарфами через голову певчие торопливо пели службу, не медлил и священник, двадцатипятиградусный мороз заставлял их скорее кончать.

— «И мир просвещай славу Тебе», — коротко прозвучали последние слова праздничного тропаря, и крестный ход поспешно двинулся обратно в церковь.

Часть народа пошла за ним, но многие, в большинстве мужчины, продолжали тесниться около Иордани, черпая воду привезенную из дому посудинной.

— Ну, братцы, — послышался голос Никиты, — задарма что ль я для вас Иордан-то строил...

Толпа внимательно прислушалась.

— Кто наряжался, кто на рожу одевал маску, — продолжал кожедер, — беса скаканием тешил, все лезьте во Иордан искупаться. Всю пакость крещенная вода очищает.

Многие из присутствующих стали торопливо разуваться.

— Чего там ноги-то мочить, скидавай всю одежду! — кричал Никита, — весь омойся.

Еще с большим неудовольствием стали раздеваться «грешники».

Среди толпы послышались шутки.

— Нас-то заставил омыться, дядя Никита, — робко заметил один из последних, — а про «снохачей»³ забыл.

Никита досадливо махнул рукой.

— Чего напрасно слова терять, все равно не признаются.

— Да и стары больно, в холодную воду не полезут, — отозвался кто-то.

Толпа весело загоготала.

Один за другим прыгали в начинавшую снова замерзать воду голые «грешники», окунались в ней раз, быстро выскакивали с посиневшим и перекосившимся от холода лицом из этой импровизированной, очистительной купели, кое-как натягивали на себя оледеневшими руками тулупы и что есть мочи бежали к береговому трактиру⁴.

Толпа у Иордани начинала редеть. Никита терпеливо дожидался последнего из «грешников» и сам совершенно продрогший вместе с ним побежал на берег.

— Ну, теперь можно и «зелена винца» испить, — проговорил кожедер, подбегая с парнем к трактиру.

Здесь уже собрались все «грешники», вполне согретые после ледяной ванны.

— А, Никита Панфилович, милости просим, достолюбезное угощенье для вас припасено...

У окна на особом столике, покрытом красною салфеткою, стояла сороковка водки и дымилась телячья поджарка с картофелем. Кожедер снял шапку, помолился на образа и, обратившись к молодежи, весело проговорил:

— Честь имею поздравить с праздником и с очищением...

Затем, выплеснув сороковку в большой чайный стакан, он в два приема выпил ее.

— Иордан-то ныне больно удобен, — сказал кто-то из присутствующих, — только мороз сильно лют.

Никита довольно улыбнулся, с аппетитом уплетая поджарку.

Г.Т. Полилов

³ Снохачи – сожительствующие со снохами свекры (по словарю Ушакова)

⁴ Иордань, по воспоминаниям старожилов, в Плесе делали напротив трактира Н.В. Векшина, ныне в этом здании находится ресторан «Дача» (ул. Советская, 39).

Трактир Векшина находился в двухэтажном доме

Чета Векшиных